

Константин Рассомахин

Вера
Джордано
Бруно

Рассказ

Константин Рассомахин
Вера Джордано Бруно

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Рассомахин К. А.

Вера Джордано Бруно / К. А. Рассомахин — «ЛитРес: Самиздат»,
2000

Фантастический рассказ о том, какую силу может иметь вера человека.

© Рассомахин К. А., 2000

© ЛитРес: Самиздат, 2000

Первое, что почувствовал Джордано Бруно после того, как услышал ровный плеск тишины вокруг себя, – это ощущение необыкновенного счастья и блаженства. Ему еще никогда не было так хорошо, спокойно, легко. По всему его телу разливалась божья благодать и умиротворение, сердце трепетало от восторга, на лице застыла невольная улыбка наслаждения. Отдавшись новому, ни разу неиспытанному в жизни чувству покоя и безмятежности, Ноланец представил на минуту, что он, словно птица, парит в воздухе, под облаками, медленно поднимаясь куда-то вверх, в поднебесье. С трудом преодолев сладкое изнеможение, философ открыл глаза и действительно увидел перед собой облака. И не где-то вдалеке, а прямо непосредственно перед своим носом. Густые клочья пара клубились в вышине на расстоянии локтя, принимая причудливые формы и очертания. Несколько мгновений Джордано бессмысленно вглядывался в немую пляску этих призрачных геометрических фигур, пока вдруг любопытство не заставило его сделать одно малоприятное открытие. Желая осмотреться кругом, он дернулся назад, попытался обернуться, но, встретив неожиданно сильное сопротивление воздушной (как он полагал) среды, беспомощно замотал в вязкой пустоте руками и ногами, завертел головой и... чуть не захлебнулся. Страх утонуть вытолкнул его обратно на поверхность, и когда Джордано вынырнул, то понял наконец, что находится не в атмосфере, а в воде, и не просто в воде, а в широкой и тихой реке, которая неведомо куда увлекает его расслабленное тело, а струи пара, принятые им поначалу за облака, оказались на самом деле всего лишь плотной пеленой тумана.

Как ни странно, но все это не сильно изумило Джордано. Подумаешь – туман, подумаешь – река с отсутствием всяких намеков на сушу, мало ли он в своей жизни перевидал таких бескрайних водных ландшафтов, покрытых серебристой мглой? Хлябь под ногами, и хлябь над головой – что тут может быть интересного? Поразило, встревожило и даже заставило нахмуриться философа совсем другое обстоятельство. «Река – это образ жизни, – подумал про себя Ноланец, – и то, что я плыву по течению, – это мне несвойственно. Куда несет меня этот поток, к каким берегам, в какие страны – неизвестно. А неизвестность и неопределенность – это мои наипервейшие враги. Тому, кто не знает, где его гавань, никакой ветер не поможет, стало быть, мне другого выхода не остается». С этой мыслью Джордано, повернувшись лицом к направлению потока и стряхнув с себя остатки блаженной сонливости, лег на живот, вытянулся в струнку, набрал в рот побольше воздуха и, мощными гребками отталкиваясь от воды, поплыл вперед навстречу набегавшим волнам.

Плыть против течения было тяжело, намокшее исподнее белье сковывало его движения. Могучая водная стихия нехотя уступала напору борющегося с ней пловца, стремясь отыграть свое всякий раз, когда Джордано останавливался передохнуть и оглядеться. А поводов для того, чтобы остановиться, у Бруно возникало немало. Перед ним из мрачной глубины реки то и дело всплывали на поверхность огромные уродливые создания. Задевая Ноланца своими мордами и хвостами, обжигая его волнами ужаса при каждом соприкосновении, подводные твари издавали странные глухие звуки, похожие на ропот, и, покружив возле него, вдоволь на него наглядываясь, снова погружались в пучину. Философ старался не обращать на них внимания. Как только чудовища исчезали, он с новой силой принимался колотить волны сильными взмахами рук, неуклонно продвигаясь вперед. Бруно знал, что рано или поздно он достигнет суши. Он верил в то, что *его* берег, *его* спасение должно быть где-то там, выше по течению. Его путь лежит именно туда, где поток яростнее всего сопротивляется его исступленному натиску. Раз уж таков его удел – плыть наперекор стремнине, то нужно до конца испить эту горькую чашу.

Сколько времени боролся отчаянный пловец с враждебной стихией, трудно сказать. Похоже, понятие о времени здесь то ли вовсе отсутствовало, то ли его границы были размыты. Никакой разницы между прошлым, настоящим и будущим здесь не ощущалось. Как, впрочем, не ощущалось поначалу и никакой усталости. Да и Джордано совсем не об этом в тот момент

думал. Победить или потерпеть поражение, добраться до берега или погибнуть – вот чем были заполнены его мысли – до времени ли ему было? Твердая почва под ногами – вот все, о чем он теперь мечтал и во что свято верил. И эта вера спасла его. Когда воинственный мыслитель, отмахав приличное расстояние по воде, все же ощутил наконец навалившееся на плечи изнеможение, земля неожиданно возникла перед ним. Чиркнув ступнёй по чему-то твёрдому, Джордано нахмурил брови и посмотрел в глубину – не очередной ли это монстр кружится у поверхности? Но нет. Несмотря на то, что вода в этом месте реки была очень мутной, и даже на мизерном расстоянии в ней ничего невозможно было разглядеть, сомнений у Ноланца не осталось – он действительно наткнулся на дно. Осторожно поставив на глинистую почву сначала одну ступню, потом другую, он медленно поднялся на ноги, распрямился и тихо выдохнул из себя:

– Остров.

Выбравшись на сушу, измотанный, но счастливый пловец обхватил руками одиноко лежащий у водяной кромки большой камень, повалился на землю от бессилия, перевернулся на спину и незаметно для себя погрузился в забытьё.

Странные видения посетили сознание изможденного философа. Чудилось ему, как будто он стоит на площади Кампо ди Фьоре привязанный к столбу. Вокруг него бегают, суетятся святые угодники, ассессоры и преподабия, поджигают хворост, а он хочет их спросить, что они собираются делать, да не может, потому что у него нет языка. Во сне сжигаемый на костре Ноланец испытывал невероятную физическую боль. Страдания были так нестерпимы и ощущались настолько ясно, что все происходящее казалось самой настоящей явью. Больше всего почему-то Бруно ужасало то, как загораются волосы у него на затылке. С легким вкрадчивым потрескиванием пламя неспешно подбиралось к его голове, охватывало ее со всех сторон, зажимало в тиски, обжигало уши и потом с такой силой впивалось в кожу, что от боли можно было свихнуться.

Когда Ноланец очнулся, лежа на крошечном клочке земли, затерянном в безбрежной водной пустыни, он в первую минуту не мог ничего понять. Жуткие видения все еще продолжали стоять перед его глазами. Эти картины были полны какого-то таинственного смысла, разгадать который Джордано был сейчас не в состоянии. Протирая слипшиеся от сна глаза, философ поднялся на ноги, огляделся кругом, но за сплошным туманом не смог ничего разобрать. Нечаянно уронив взгляд на камень, лежащий под ногами, Бруно вспомнил, как больно стукнулся об него локтем, когда выползал из воды на сушу, и это воспоминание почему-то вызвало в нем чувство глубокой безысходности. Не зная, каким образом от него избавиться и чем занять свой разум, Джордано решил пройтись по окружности своих обширных владений. Насчитав ровно тридцать семь шагов по периметру островка, он вернулся к валуну, сел на него и угрюмо уставился вдаль, размышляя над тем, что же ему теперь делать, как вдруг за его спиной раздался чей-то незнакомый суровый голос.

– Джордано!

Вздвогнув от неожиданности, Ноланец резко обернулся и на противоположном краю островка, там, где он только что в одиночестве измерял шажками масштабы своей новой тюрьмы, увидел фигуру человека, одетого во все белое. Очертания его тела были плохо различимы в тумане, зато глаза горели, как два огонька, и выражение этих глаз не сулило Ноланцу ничего хорошего.

– Джордано! – грозно повторил незнакомец имя философа и мягко, но властно двинулся вперед. – Брат Джордано из Нолы, послушник монастыря Сан-Доминго Маджоре, ответь мне искренне, ты меня боишься?

– Ты... вы... – не сразу нашелся что спросить и как обратиться к собеседнику Бруно, – ты кто?

– Джордано, ты что, не узнаешь меня? – внезапно сменив гнев на милость, лукаво улыбнулся таинственный незнакомец, приблизившись к Бруно.

Пристально уставившись на своего визави, итальянец мучительно рылся в памяти, пытаясь вспомнить, где он мог видеть раньше эти раскосые глаза, массивный нос и густую черную шевелюру, но так ничего там и не раскопав, лишь покачал головой из стороны в сторону и молчаливо пожал плечами.

– Ну, вот те раз, – огорчился незнакомец. – Забыть, как выглядит человек, из-за которого тебя обрекли на вечные муки?

Холодная волна ужаса окатила Джордано с головы до ног. Снова со всей отчетливостью перед его мысленным взором всплыли видения, снившиеся мгновение назад, но только теперь Ноланцу стало убийственно ясно, что это были вовсе не сны, и не кошмарные грезы изможденного рассудка, а реальные картины прошедшей жизни. *Прошедшей*, то есть законченной, завершенной?.. То есть, другими словами, выходило, что он, философ Джордано Бруно, умер, перешел в мир иной? Сгорел на костре и превратился в пепел? И после этого он не перестал *быть*?! Не перестал испытывать отчаяние и тревогу? Не перестал ощущать свое брэнное тело и его греховность? Сиюминутно уразуметь, взять в толк это новое состояние Ноланцу было не под силу. Исчезнуть из бытия, в котором невозможно представить себя несуществующим, и оказаться где-то за гранью реальности в качестве отдельного свободного существа, не утратившего способности познавать и чувствовать – для постижения этого перевертыша философу понадобилось бы много времени, но его собеседнику уж больно не терпелось переговорить с ним о каких-то важных делах. А его собеседник – кто он такой? Кажется, он сказал: «Как выглядит тот человек, из-за которого...» Господи, да ведь это же никто иной, как...

– Коперник?!

– Джордано! – радостно откликнулся тот, и весь прямо засиял от счастья. От его прежней суровости не осталось и следа.

– Коперник! – почти шепотом повторил изумленный Бруно это некогда милое его слуху имя.

Поляк еле сдерживался, чтобы не рассмеяться. Сделав пару шагов навстречу итальянцу, он неожиданно опустился перед ним на одно колено и учтиво поклонился.

– Коперник! – совсем растерялся бедный Бруно. – Что ты делаешь?

– Я пришел сообщить тебе *его* волю.

– Чью волю? – словно не понимая, о *ком* идет речь, спросил философ, но, встретив понимающую улыбку астронома, подавленно смолк.

– Я всегда говорил, что такой человек, как Джордано, будет покрепче духом, чем все наши святые и мученики вместе взятые! – восторженно затараторил астроном. – Подумать только, что ты вытерпел! Нет, я бы точно не выдержал, я сдался бы, я отказался бы от всего-всего, лишь бы уцелеть. Нет, я никогда не решился бы на такой подвиг. Какое мужество, какая сила духа! Я просто раздавлен, я преклоняюсь перед тобой. Это одна из величайших побед живого человеческого духа над грубостью материальной природы. О тебе на Земле уже слагают легенды, а *наверху*... – закатив глаза в поднебесье, пропел Коперник, – *наверху* тебя ждет нечто совершенно невообразимое.

– Постой, постой, – смутился польщенный похвалой Бруно, – я не понимаю, о чем ты говоришь? Да поднимись же ты с колен.

– Как – о чем? – вскочив на ноги, воскликнул поляк. – О костре.

– Ах, об этом, – задумчиво протянул Бруно, с трудом подбирая слова. – Ну да, костер... Костер – это очень... очень больно... и мерзко.

– Нет, не говори так, – возразил ему астроном. – Это благородно, когда человек погибает за свои убеждения.

– Коперник, – сжалившись над его наивной патетикой, грустно умилился Джордано, – какое может быть благородство в том, что одни люди сжигают других за невозможность перестать быть самим собой!

– Ну, что ты! Ведь в этом-то и заключается самая большая трудность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.